

Соб. корреспондента, 1979, Запр.

Чай у Пикассо

В издательстве «Искусство» готовится к печати книга Майи Меркель «Угол зрения» — об известном советском кинооператоре Сергее Урусевском, снимавшем такие фильмы, как «Сельская учительница», «Возвращение Василия Бортникова», «Урок жизни», «Сорок первый»,

«Летят журавли», «Неотправленное письмо», и другие. Автор книги, сама оператор по профессии, написала ее в форме диалога, в ходе которого обсуждаются самые различные проблемы киноискусства. Сегодня мы публикуем отрывок из этой книги.

— Ну что — Каннский фестиваль? Все очень просто: в президиуме не сидели. Объявлялось, человек выходил и получал приз. Вышли и мы с Таней на сцену... Давайте, я вам лучше расскажу про Пикассо. Вот человек — совершенно грандиозный!

Если верить в приметы, началось все прескверно: Урусевский забыл в Москве «везучий» галстук-бабочку. А без него, как выяснилось, во Дворец искусства, где проходил конкурс, не попасть.

Зато у Тани Самойловой все было «комилфо»: элегантные наряды, строго выдержанные по линиям, цвету. Довольный, оглядывая свою героиню Сергей Павлович. Прохаживаясь с ней накануне просмотра фильма «Летят журавли» по набережной Круазетт, шутил: «Таня, а они ведь и не представляют, с кем это я так запросто прогуливаюсь. Вот завтра! На меня, конечно, и завтра не будут обращать внимания, но ты держись!»

Завтра действительно принесло Татьяне Самойловой славу: она объявлена лучшей актрисой мира 1958 года. Успех у фильма ошеломляющий. Заработала на полных оборотах машина рекламы: цветы, интервью, подарки, толпа корреспондентов. А Сергей Павлович получает другой, бесценный «приз», обещанный ему еще в Москве Сергеем Иосифовичем Юткевичем.

— После этой чудовищно разряженной фестивальной публики появился в зале рабочий человек. В свитере, значит, в плюсовых штанах... Невероятно! Представляет, познакомиться с самим Пикассо?

Зрительный зал почти пуст, всего несколько человек: Пабло Пикассо, его жена Жаклин, Конто, Юткевич, Самойлова и Урусевский. Из жесткого расписания устроители фестиваля выкроили два часа для Пикассо, который захотел увидеть взбудоражившую всех накануне картину.

В зале — ни вдоха, ни шороха. Тишина насторожила Сергея Павловича.

...Стремглав мчалась Вероника по обьёкта огня лестнице. С грохотом рушились балки, проносились с шипением головки. Едкий дым, языки пламени преграждали путь.

Опять угнетающим молчанием отозвался зрительный зал. Сергей Павлович с трудом отвалился обернуться в темноту. Неужели не тронуло? Теперь все надежды были на «березы», те самые «березы», после которых один журналист гарантировал Урусевскому миллионы долларов, согласись он

поехать в Голливуд и еще раз сотворить подобное на пленке.

...Провистела пуля, отбросила Бориса к белоснежному стулу. Бессильные руки обхватили березу, запрокинулась голова. А там, в вышине, завертелись, побежали перед помутневшим взором пышные шелестящие макушки, атласные стулья.

Лицо Пикассо оставалось непроницаемым.

А на экране уже шел следующий коронный эпизод картины, и это была последняя возможность взволновать великого художника.

...Она бежала, словно подгоняемая амокком. Гримаса неподвижности сковала лицо. Мелькают дома, заборы, облака, деревья — оставляемая ею жизнь. Ломается мир, бьется клубком пятен, линий. Птицей вспорхнула Вероника на ступеньки моста. Тупой громадой надвинулся паровоз...

Сергей Павлович выжидающе всматривается в зал. И вдруг навстречу блеснули глаза Жаклин. Плачет! А рядом с ней Пикассо — по-прежнему бесстрастный, неподвижный.

— Как я выдержал! Когда зажегся свет, он еще несколько минут молчал. А потом... Ну, в общем все, оказывается, было в порядке. Даже как-то неудобно говорить, что он сказал... Жаль, не отдал он мне одну фотографию. Не могу ее забыть. Понимаете, когда кончился просмотр, туда ворвалась армия фотокорреспондентов, кто-то снял все со стороны, через всех. Черная толпа с бликами и маленькие-маленькие стоят Пикассо, Жаклин, Юткевич, Таня и я.

— А все же, Сергей Павлович, что он сказал вам?

— Ну, знаете, он по-французски галантный. Сказал, что сто лет не видел такой картины... Что-то в этом роде...

— Вы еще встречались с Пикассо?

— Конечно. Был у него даже в гостях, чай пил.

Сергея Павловича ждали к десяти утра. Волнение привело его к небольшому трехэтажному особняку на окраине Канна задолго до назначенного срока. Накануне тщательно подготовился к съемке: выбрал пленку, взял напрокат камеру. Пикассо высказал эту просьбу — поспинать — еще во время их первой встречи у него дома, сразу после просмотра «Журавлей».

Поначалу непреодолимым препятствием казалась немота «сторон», невозможность общения друг с другом (Юткевич в тот день не мог быть переводчиком — шло заседание

жюри). Однако это обстоятельство было в конце концов признано несущественным, как только она выложили свои словарные запасы. Пикассо весело доложил: «Ко-ро-шо, ч-ч-черт, Па-блюшка, бли-ны». Сергей Павлович в ответ: «Труаьем (этаж, на котором он жил в отеле), ле кок, о-ля-ля!». И было решено, что этого вполне достаточно для взаимопонимания.

Они гуляли втроем: Пикассо, Жаклин, Сергей Павлович. В пышной зелени то здесь, то там белела скульптура. В саду тоже была его мастерская. Сергей Павлович старался не пропускать ни одного жеста, штриха поведения, выражения лица художника. Эта мысль — чего-нибудь не упустить — держала нервы в напряжении.

— Он совершенно свободно себя чувствовал под взглядом объектива. Ходил по саду, обняв Жаклин, а я снимал. Держался очень непосредственно, что-то мне показывал, рассказывал... Одна скульптура была очень симпатичная.

Там у него фонтан, даже не фонтан, а просто чаша, вокруг водоем. В этой чаше — голова женщины. Он сам ее туда поставил, фонтан строил кто-то другой. Он поставил только голову, и стало вдруг очень красиво... Он начал мне показывать, и голова упала. Она была вся в воде, он — тоже. Он тут же вытер мокрые руки о лысину. Я все это снял... Потом вижу: стягивает свитер. Понимаю, что сейчас что-то произойдет. Опять включаю камеру...

Съемка была без дублей и без оглядки на быстро тающую пленку. Невозможно остановить камеру, когда пишет Пикассо. Писал он свой излюбленный сюжет — Жаклин.

— Рисовал углем. Этот рисунок — Жаклин, отдыхающая в калачке, — я снял от начала до конца, от чистого листа бумаги до законченной работы. Он все время, пока рисовал, стирал такой пуховочкой из перьев. Стирал и по контуру, который с трудом был различим, потом уже смело рисовал, как хотел, не копируя, не повторяя. А на основе того, что он только что стер, возманил новый контур. Так я снял портрет Жаклин... И еще помню смешной случай. Были мы у него с Юткевичем...

Обедали в мастерской. Все ее пространство заставлено холстами, подрамниками, скульптурами. Они стояли на стульях, подоконниках, на полу. А за самым столом, куда ни повернись... Напротив — Пикассо, слева — Жаклин. Впро-

чем, Жаклин была везде: в профиль, анфас, в косынке, без косынки, растрепанная, причесанная, веселая, грустная. Она глядела с полотен, с керамических плиток.

С шипением накрыла одну из плиток сковороду с рыбой, принесенная служанкой. У Сергея Павловича перехватило дух. Но вот уже и на других подставках, расписанных Пикассо, привычно расставлены миски с супом, фасолью, душистыми травами. На десерт неожиданно подали крепкий чай — совсем по-московски.

— Налил он мне пиалу с золотым ободком. Такая, знаете, бездарная пиала. А на столе стоял сервиз, явно им расписанный. Даже не сервиз, а чашки. Смотрю, значит, и говорю: «Я бы хотел выпить вон из той чашки». Пикассо — ему перевели — расмеялся и говорит: «Он, оказывается, формалист! Ему важно не содержание, а форма». Это те чашки, которые я вам показывал. Они действительно, как я и предполагал, были им расписаны. Ну, что значит «расписаны»? Это, вы видели, мазки кистью с синей краской по белому. И все. Но они образуют ритм, черед, хоровод... Красиво, правда?

Как завороченный, бродил Сергей Павлович по комнатам. Странный портрет Жаклин — каких-то условных, неожиданных пропорций — он заметил, еще сидя за обеденным столом.

— Не успел я остановиться около него, как туда же прискакал Пикассо. И спрашивает: «Чем он вам нравится?». Я говорю, что невероятно похожа здесь Жаклин, несмотря на способ, каким она написана. Это довольно известный портрет, с длинной шеей. А Пикассо говорит: «Уж не помню, что у Жаклин было с горлом, что-то неладное, и ее повели к врачу. Сделали рентген и вдруг обнаружили...» Боюсь сказать глупость, но чуть ли не лишний позвонок. Пикассо говорит: «А я это увидел без всякого рентгена!»

Среди множества картин на мольберте в тот день чинно стояла лишь одна, этим, быть может, тоже вызывая любопытство. Картина была еще «тепленькая», только что изпод кисти. Юткевич полюбопытствовал: «Она уже окончена?»

Пикассо ухмыльнулся: «Картина начинает жить с того момента, как сходит с мольберта. А так, что ж, конец — всегда конец, то есть смерть». Как-то красивее он сказал. Думаю, был еще какой-то смысл: мол, когда все выписано и досказано, то нет уже возможности для творческого восприятия. Он еще и это имел в виду: надо что-то такое дать зрителю, чтобы это не было концом. Что-то оставить для сотворчества.